ИЗВЕСТИЯ РАН. СЕРИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ, 2012, № 6, с.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 911.3

ВНУТРЕННЯЯ ПЕРИФЕРИЯ – НОВАЯ РАСТУЩАЯ ЗОНА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА РОССИИ

© 2012 г. В.Л. Каганский

Институт национальной модели экономики

Поступила в редакцию 01.04.2011 г.

Теоретическая типология культурных ландшафтов России и цикл путешествий позволили выявить новую зону культурного ландшафта, отличающуюся от обычной (дальней) периферии размещением внутри освоенных территорий. Ей присущ быстрый территориальный рост, социально-экономическая депрессивность, спонтанная ренатурализация ландшафта. Создана картоидная модель, выявлена территория зоны для Центрального района РФ.

Матричная типология культурных ландшафтов. При всей важности для любого культурного ландшафта (особенно советско-российского) отношений и направлений "центр – периферия" ландшафт не может быть сведен даже в предельной абстракции, в упрощении к этим двум зонам (типам) не только в силу чрезмерного огрубления. При этом происходит еще и недопустимое смешение разных зон. С одной стороны, смешиваются центр и средняя зона (ядро типичности), а с другой, – периферия и приграничные территории. Дополнение схемы качественно неопределенной "полупериферией" сути дела не меняет.

Ранее автором была разработана система основных типов культурного ландшафта – "Центр – Провинция – Периферия – Граница", которая может быть интерпретирована как *развертывание схемы "центр – периферия"* путем введения двух равноправных оснований – ландшафта и статуса места (подробнее [9]). Соотношение, взаимодействие, взаимные роли и рисунок природных и культурных компонентов культурного ландшафта различаются для этих типов и зон. Применение принципа равноправия ландшафта и статуса к 4-членной системе позволяет развернуть ее в 16-членную матричную типологию для культурного ландшафта, при этом некоторые типы могут быть *теоретически выведены* (предсказаны) и лишь затем обнаружены для конкретной территории. Все 16 типов совершенно не обязаны реализоваться на конкретной территории. Ячейки матрицы – разные варианты сочетания собственно ландшафтной основы и статусно-функциональных аспектов. Указанная схема – полимасштабная и применима к территориям разных уровней; на рис. 1 даны примеры для современной РФ. Для конкретной территории типология может быть и развернута и генерализована (слияние ячеек), что и сделано для культурного ландшафта Центра страны – рис. 2. Типология культурных ландшафтов, учитывая их полиаспектность и разноприродность оснований (компонентов), в общем случае и должна строиться как матричная, многомерная, полимасштабная, с учетом опыта аналогичных систематизаций природного ландшафта.

Каждая ось матрицы – последовательность категорий по убыванию смысловой качественности (интенсиональности); оси тождественны, различаясь лишь аспектами. По-видимому, два комплексных аспекта наиболее существенны для культурного ландшафта; они и взяты осями. *Первая: качественное внутреннее состояние, внутренняя форма пространства –* ***ландшафт****. Вторая: внешнее состояние,* ***статус*** *(роль, функция)*; статусы могут иметь территориальное выражение.

Всякая конкретная территория (место, район, регион, область культурного ландшафта, культурный регион, территориальная группа) может трактоваться как один из типов и одновременно как содержащий все эти типы; типы – "слои" разреза или профиля, существующие актуально и/или потенциально.

Матрица – основание выделения систем типов мест и территорий, предсказания эмпирически не известных типов и их теоретического конструирования. Может служить основой типологического районирования и на его основе – индивидуально-

ЛАНДШАФТ ТЕРРИТОРИИ	СТАТУС ТЕРРИТОРИИ			
	ЦЕНТР	ПРОВИНЦИЯ	ПЕРИФЕРИЯ	ГРАНИЦА
ЦЕНТР	**Центр** МОСКВА	Провинциальный Центр ПЕТЕРБУРГ	Периферийный Центр ТОРЖОК	Пограничный Центр ШЕРЕМЕТЬЕВО
ПРОВИНЦИЯ	Центральная Провинция МОСКОВСКИЙ РЕГИОН	**Провинция** ЯРОСЛАВЛЬ	Периферийная Провинция ВОЛОГДА	Пограничная Провинция ПСКОВ
ПЕРИФЕРИЯ	Центральная Периферия АРЗАМАС-16	Провинциальная Периферия СУРГУТ	**Периферия** ЭВЕНКИЯ	Пограничная Периферия АРКТИКА
ГРАНИЦА	Центральная Граница КАМЧАТКА	Провинциальная Граница БЕЛГОРОД	Периферийная Граница ТУВА	**Граница** КАЛИНИНГРАД

Рис. 1. Основные типы культурного ландшафта России (названия городов обозначают регионы, территории).

го; матрица может быть основой легенды карты, как и сделано ниже.

Диагональные типы (элементы матрицы) – основные зоны (типы) культурного ландшафта с характерным для них соответствием ландшафта и статуса; тогда возможно трактовать все остальные, недиагональные элементы как маргинальные, переходные, характеризующиеся несоответствием ландшафта и статуса вплоть до диссонанса и конфликта.

Яркий пример такой зоны диссонанса с "дефицитом статуса" дает выделяемая здесь *комплексная зона* ***Внутренней Периферии***, для которой характерно, что территории с относительно высоким в настоящее время или в прошлом уровнем ландшафта (Провинция) имеют статус Периферии – Периферийная Провинция. Такое несоответствие – теоретическая возможность, определяемая заложенным в схему несоответствием ландшафта и статуса как одним из вариантов их отношений. Такое несоответствие означает деформацию ландшафта зоны и порождает именно деградацию собственно культурного ландшафта зоны. Архипелаг очагов Центральной Периферии разбросан в массиве Внутренней Периферии – комплексной безобразной (ударение на букве "а" и безобразной (ударение на букве "о") зоны. В логике схемы на зоны системы (Центральная Периферия, отчасти Провинциальная Периферия и Провинция) наложена Периферия Центра, зона между Провинцией Центра и Провинцией (например, общая периферия ряда крупных городов – Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода). Центр периферизует территорию, создавая свою периферию именно на рубеже "Центр – Провинция". Зона имеет явные черты Границы и есть внутреннее пограничье; может быть понята как инверсия процесса периферизации пространства страны.

Представление о Внутренней Периферии. Согласно стереотипному взгляду менее хозяйственно освоены и экономически развиты, лишены самостоятельности и хозяйственной ценности прежде всего удаленные от центров страны территории – окраина, периферия. Однако *огромные массивы неполноценной ландшафтно и несамодостаточной экономически Периферии размещаются в самих глубинах страны, совсем недалеко от ее столиц*, иногда совсем рядом с важнейшими центрами. Это – **Внутренняя Периферия,** предварительно определенная выше. Пространство России, унаследованное от СССР – **советское пространство** [6] – устроено так, что все жизнеспособное централизовано, приближено к центрам, сконцентрировано. Каждый регион страны – это страна в миниатюре (автомодельная симметрия); и у него тоже есть своя периферия. В самом первом приближении *совокупность периферий внутренних регионов* – и тем самым по умолчанию полноценных и освоенных – и *дает нам Внутреннюю Периферию.* Она начинается примерно в полутора сотнях километров от Москвы и пронизывает насквозь даже самые освоенные регионы, занимая в них немалую долю территории.

Эта зона заслуживает особого внимания по комплексу причи. 1) При значительной и быстро растущей территории она малозаметна и малоизвестна, будучи в тени ближайших центров и заслонена ими (так, зона, например, полностью "выпала" из сети выборки опросов общественного мнения, где ее население совершенно не представлено [10]). 2) Зона иногда кажется лишь анклавами более привычной Дальней Периферии в середине страны, однако она совершенно специфична и существенно отлична от нее, возникая в иных местах по совершенно иным причинам и имея иную пространственную форму. 3) В ее культурном ландшафте происходят новые, неожиданные, противоречивые процессы. 4) Она располагает значительными экологическими возможностями и нетривиальными ресурсами в силу богатого противоречивого географического положения. 5) Репрезентативна для все бо́льших территорий. Характерные для нее процессы охватывают и иные, весьма значительные территории, отчего результаты ее анализа могут быть репре-

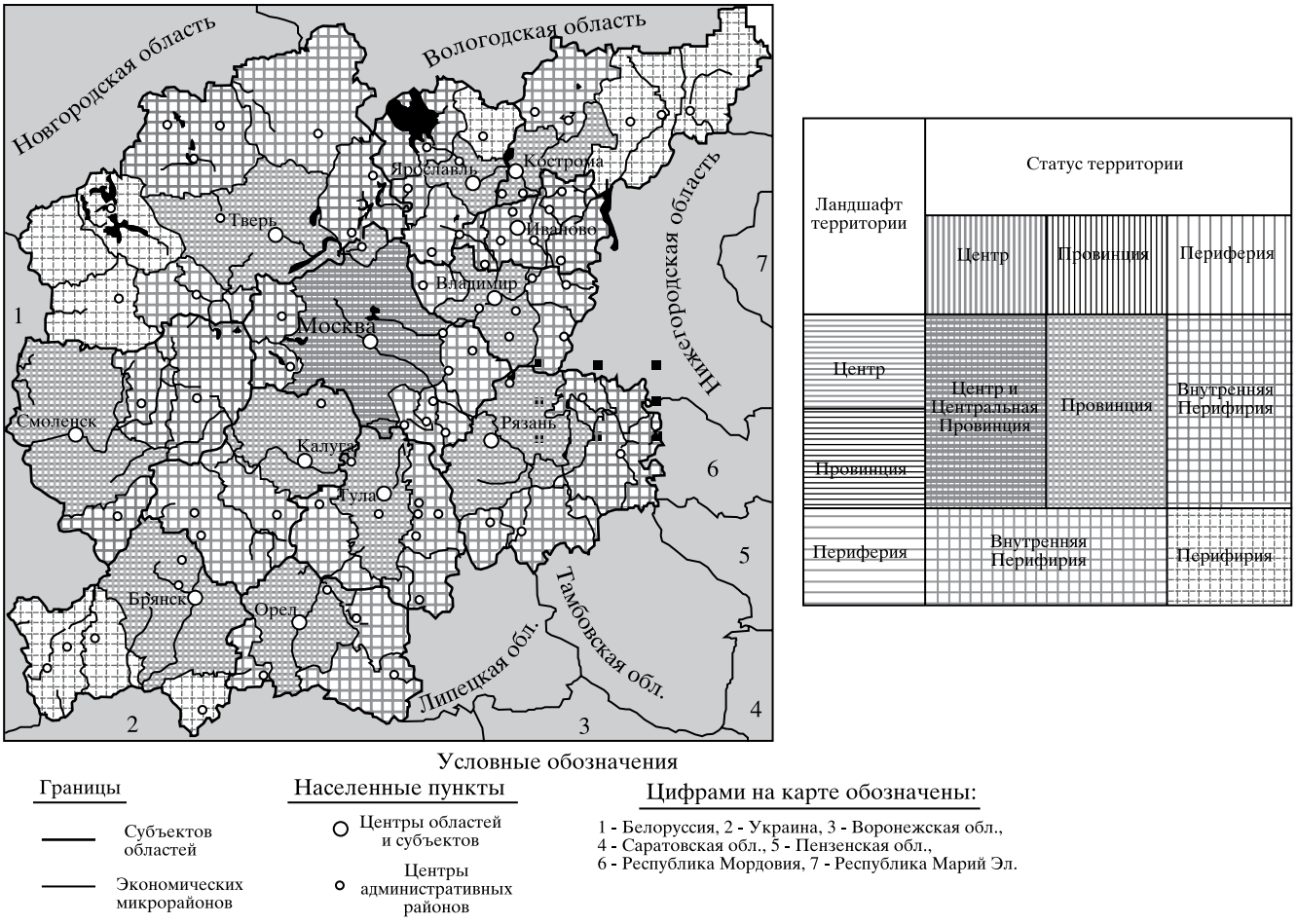

Рис. 2. Районирование Центрального экономического района России в аспекте культурного ландшафта

зентативны для более значительных территорий; на материале этой зоны могут быть сделаны и достаточно более общие выводы и сформулированы предложения в сфере эколого-географической инженерии.

Внутренняя Периферия малоизвестна, малозаметна, но территориально велика и богата неожиданностями. Внутренняя Периферия реализуется на разных уровнях – от всего бывшего СССР до районного. Зона предсказана теоретически, а многочисленные полевые маршруты путешествий лишь подтвердили ее наличие, распространенность и массивность.

Она неизбежна и закономерна именно в советском пространстве из-за его жесткого, однозначного расчленения на регионы, существования в нем одной-единственной системы универсальных регионов и их моноцентризма, что порождает абсолютную периферию; *Внутренняя Периферия – это абсолютная периферия* (однако как тип ландшафта она встречается и на территориях других стран). Если состояние Дальней Периферии может быть изменено за счет взаимодействий с внешними центрами (что уже происходит в современной России), то Внутренняя Периферия как периферия абсолютна. Если пространство (ландшафт) представлено несколькими сетями несовпадающих районов, то не совпадают и периферии районов, и каждая из периферийных территорий является таковой лишь в одной системе районов, имея в другой системе иной статус. Внутренняя Периферия на территории бывшего СССР предопределена единственностью основного типа социального районирования – институционального районирования [13].

Собственно Периферия (дальняя, внешняя) задается расстоянием, удаленностью от центров, Внутренняя Перефирия – положением на окраинах и особенно на стыках регионов, внутри зоны Провинции. Характерные примеры дают даже внешний пояс самой Московской области и сопредельные значительные территории Тверской, Смоленской и Калужской областей (рис. 2); Внутренний Горный Урал, то есть территории между

агломерациями городов-миллионеров. Принципиальным отличием Внутренней Периферии от Дальней служит то, что обычная Дальняя Периферия – пространство, еще не освоенное, резервные территории [16, 17], в то время как Внутренняя Периферия в существенной мере пространство обычно уже некогда освоенное и лишающееся сейчас этой освоенности. Относительно полноценный культурный ландшафт может когда-либо в будущем сформироваться на Дальней Периферии – но во Внутренней Периферии это достояние прошлого.

В СССР Внутренняя Периферия также сильно отличалась от остальных территорий, даже от средней зоны (Провинции). Уже тогда участь этой зоны была печальна. Именно здесь отмечалась депопуляция и падение численности населения, каковое переселялось (бежало) в более благополучные места; именно сюда вкладывалось мало средств; именно здесь располагались в своем большинстве так называемые неперспективные сельские поселения, которые и без всякой государственной политики поддержки "перспективных" были обречены на вымирание и исчезновение. Не будем забывать, что процесс урбанизации, шедший последние полтора века, означал не только и не просто перемещение населения в города и превращение сельских поселений в городские, но и резкую концентрацию населения, его централизацию. При общем росте населения страны размер территорий, где сокращалось население, все увеличивался.

Сейчас же различия резко увеличились. Во время кризиса, как правило, производство концентрируется, сосредотачивается, "покидая" менее благоприятные территории. Немаловажно и то, что сельское и лесное хозяйство – важные отрасли для этих мест – вошли в режим реальной экономики, никто больше не заставляет искусственно поддерживать освоенность (распаханность и т.д.) земель; существенно большее значение приобрели транспортные и энергетические затраты. На значительной части территории Европейской России, как показано Нефедовой [19, 20], жизнеспособная сельская местность и сельское хозяйство находятся только в пригородной зоне. Тем самым удаленные в масштабах каждого региона территории были обречены на прозябание. Искусственное "размазывание" человеческой деятельности и производства по пространству перестало субсидироваться государством (почти перестало – региональные власти для этого еще что-то делают). Сыграли свою роль и свертывание малой авиации и упадок внутреннего водного транспорта. Внутренняя Периферия становится все менее связанной внутренне и все более удаленной от центров в пространстве не километров (физические расстояния не изменились), но времени и стоимости проезда, социальной доступности.

Кризис (а в последние десятилетия страна проходит именно череду кризисов) всегда сопровождается усилением неравномерности пространства, ростом контрастов в нем, новой его поляризацией. В пору кризиса его последствия крайне неравномерно обрушиваются на территорию страны. *Именно Внутренняя Периферия – та огромная зона пространства современной России, на которую пала основная тяжесть современного кризиса*. В обычном культурном ландшафте главные различия мест – это различия между разными районами, межрайонные контрасты. Наше, все еще советское по структуре пространство характерно именно тем, что в нем *главные различия – внутренние,* ***внутрирайонные***, в пределах регионов [6, 19]. Основа пространственной дифференциации – это различия не между районами, в том числе и между регионами ранга субъектов федерации, а различия внутри регионов, между их центрами и окраиной, между сердцевиной региона и его периферией. В каждом, даже самом бедствующем регионе, его административному (он же – и комплексный) центру в силу структуры пространства суждено быть относительно процветающим; таков, например, социально неблагополучный, но никак не бедствующий Кудымкар – столица ликвидированного Коми-Пермяцкого автономного округа, одного из самых отсталых. Верно и обратное – в каждом, даже процветающем регионе его периферия относительно, а часто и абсолютно бедствует и нуждается; такова, к примеру, зона упадка, почти катастрофы в Чердынском районе относительно благополучной бывшей Пермской области (ныне Пермского края); последнее суждение, как и конкретные примеры – результат путешествий автора. Зону хозяйственного упадка мы находим даже на окраинах в целом благополучной и самой по себе и в силу близости Москвы Московской области, особенно на ее западе.

Если сейчас в стране, взятой статистически как целое, некоей неделимой ячейке для данных о валовом продукте идёт экономический подъем, то это отнюдь не значит, что этот рост касается всех или большинства территорий. *Внутренняя Периферия – деградирующая изнанка*, оборотная сторона процветающих (относительно процветающих) центров регионов и вторых городов вроде Норильска, Череповца или Тольятти, противоположный им полюс. Кризис влечет за собой резкое сосредоточение сил, концентрацию воли, а не

только экономики. На Внутреннюю Периферию, утратившую активное население, лишенную социального капитала еще в советское время, этой силы и воли не достается совсем.

Именно потому, что Внутренняя Периферия – не группа регионов, а совокупность административно разрозненных частей подавляющего большинства регионов, она и не привлекает особого (точнее никакого) внимания, не становится предметом специальной государственной поддержки – особой региональной политики, пока еще в основном оперирующей субъектами федерации как целыми. Однако неверно думать, что участь этой территории можно изменить какими-то массированными инвестициями – нет, это территории уже лишившиеся всякого потенциала, утратившие социальный капитал и какие-либо шансы обычного экономического саморазвития. Здесь могут помочь только нетривиальные и одновременно совершенно радикальные меры.

Может показаться, что в то время как региональные центры, растущие вторые города регионов и прилегающие территории активно вестернизируются и модернизируются, растет ресурсная Периферия, Внутренняя Периферия просто остается в своем советском прошлом. Это совершенно не так. *В центре и во Внутренней Периферии современной России идут равно активные, но* ***прямо противоположные процессы***.

Внутренняя периферия не входит в рынок – она переходит практически к натуральному, почти безденежному хозяйству, получая извне незначительные средства, да и те нередко в виде пенсий или пособий. Социалистическое народное хозяйство на этой территории, представленное, как правило, монопрофильными промышленными предприятиями и соответственно, моноотраслевыми поселениями (моногородами – хотя по сути это поселки городского типа независимо от их размера), почти исчезло; в упадке находятся и бывшие колхозы и совхозы; разлагается материальная и социальная инфраструктура, бывшая в прямой зависимости от производственных единиц. Главный источник выживания населения – это натуральное или полунатуральное сельское хозяйство; сельским хозяйством занимается все население этой зоны, даже формально городское (приусадебные участки и так называемые дачи). Распространяются и еще более архаичные хозяйственные уклады; население немалой части территории страны не может выжить без собирательства – сбора грибов, ягод, лекарственных растений (частью и на продажу), неотличимой от браконьерства охоты и рыбной ловли и современной формы собирательства – сбора металлолома цветных и черных металлов, неотличимого от разграбления еще как-то полусуществующей инфраструктуры. Разумеется, это зона социальной катастрофы и огромной деградации населения; алкоголизм тут уже не бедствие, а просто форма жизни.

Здесь доминирует не консервативность, не сохранение каких-то советских или досоветских форм жизни, не просто стагнация, а острый кризис, упадок, социальная катастрофа, стремительная архаизация жизни, распад системы жизнеобеспечения, упадок инфраструктуры. И это не в каких-то отдельных местах, а на сотнях, тысячах, если не миллионах квадратных километров, где живут десятки миллионов людей. Немногочисленные точки роста на этой территории обычно ориентированы вовне, мало связаны с территорией и общей картины совершенно не меняют.

К бывшему СССР и к РФ в равной мере приложима характеристика: самые большие неосвоенные территории мира; пространство бывшего *СССР, в том числе нынешняя РФ – крупнейшие в современном мире единые территориально* ***массивы Периферии***. И такая периферия представлена отнюдь не только на далеких географически и чуждых культурно окраинах территорий постсоветских государств. Достаточно близко от сердцевины каждой из стран обнаруживаются подобные массивы, взять хотя бы болота Полесья, таежное левобережье Волги уже у самого Нижнего Новгорода или Урал с его ячеистой решеткой освоения и большими слабоосвоенными “ячейками” этой решетки [8]. Более того, на протяжении всего XX в. не только происходило освоение новых территорий на востоке России, но и имела место периферизация даже исторического центра России; “прорехи” в территориальной ткани, по выражению известных российских географов [2], образовались уже в самой сердцевине Европейской России, чуть не Подмосковье.

В отличие от Б.Б. Родомана, отнесшего к таким территориям полюса, противоположные центру, естественные заповедники, которые могли быть никогда прежде не освоены [22], то есть все же *локальную Дальнюю Периферию* (Внутреннюю Дальнюю Периферию, если быть точным), мы понимаем зону куда более широко и объясняем ее наличие и особенно разрастание существенно иначе.

В отличие от схемы поляризованного ландшафта Б.Б.Родомана выделенная нами Внутренняя Периферия – это не только и уже не столько изначально “медвежьи углы”, но и территории,

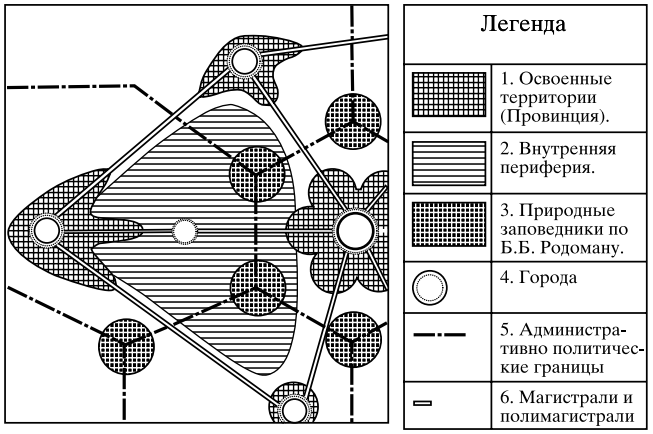

Рис. 3. Внутренняя Периферия. Общая схема (картоид)

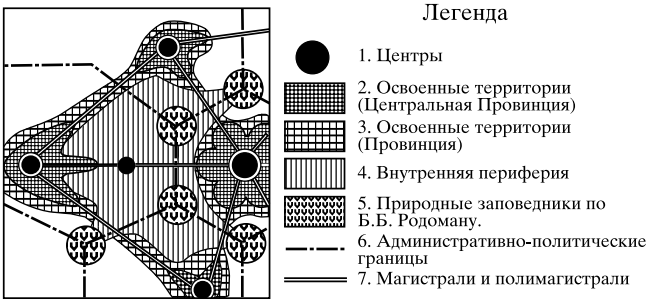

Рис. 4. Внутренняя Периферия. Детализация (картоид)

которые исторически недавно были Провинцией, но подверглись периферизации, причем, по меньшей мере, трижды: 1) после строительства железных дорог; 2) в советское время, когда упадок настиг процветающую некогда округу таких городов как Великий Устюг, Вышний Волочек, Торопец; 3) в современную эпоху, когда нарастающей периферизации подверглась "советская провинция" [12].

Такая логика местоположения и пространственной структуры зоны изображена, теоретико-картографически промоделирована картоидами. Первый из них (рис. 3) акцентирует тройственное положение зоны: *а*) стык окраин регионов, *б*) нанизанность на административные границы (в том числе и границы государств), *в*) внутреннее положение зоны, особенно внутри Провинции, и ее близость к центрам. Здесь зона – единый значительный компактный массив среди очагово-полноценной территории провинции; в отличие от позиции Б.Б. Родомана "наша" Внутренняя Периферия имеет собственные центры. Модель зоны детализируется на рис. 4, акцентирующим островное положение зоны. Вопрос о том, смыкается ли внутренняя и дальняя периферия, или они непременно разделены более развитой Провинцией как на теоретической схеме, так и в реальности ландшафта России еще ждет своего решения. (Обратим внимание на компонент относительности и масштабной приуроченности в разбираемом понятии и явлении – часть территорий Центра, отнесенных в его масштабе к периферии, в масштабе страны несомненно относится к Внутренней Периферии (рис. 5). По-видимому, та же диалектика присуща и периферии России в целом).

Парадоксально, но *Внутренняя Периферия – Новая и Новейшая Периферия,* нередко Периферизованная Провинция. Одна из причин ее формирования – концентрации хозяйства и населения по мере становления все новых систем транспорта с концентрацией транспортных потоков. Культурный ландшафт становится все более и более анизотропным. *Присущие Периферии как зоне и типу культурного ландшафта* [20] *особенности здесь налицо*: низкая освоенность и "обилие" территорий с преобладанием природных компонентов культурного ландшафта, центростремительная транспортная сеть (ее связность и густота падают очень давно), слабость внутренних горизонтальных соседских связей, фрагментарность, несостоятельность и несамостоятельность, зависимость от внешних центров, понимание и использование массивов природного ландшафта исключительно как ресурса без признания его особой ценности и т.д.

Эта зона неизбежно будет разрастаться. В силу полимасштабности зональных типов культурного ландшафта, а также специфического географического положения России – между урбоиндустриальными (Западной) Европой, Северной Америкой и Восточной Азией (южные соседи – случай особый), *значительной части России и России в целом присущи все основные черты Внутренней Периферии – мировой, глобальной Внутренней Периферии*[1]. Точнее – это Внутренняя Полипериферия.

Уже в советский период освоенность и хозяйство территорий, обозначенных нами как Внутренняя Периферия, поддерживались достаточно искусственно, и даже тогда эта зона была малонаселенной и хозяйственно слабой. Прекращение государственной опеки и характерная для кризиса концентрация населения и производства привели к тому, что значительные территории оказались

[1] Тогда единственный центр Внутренней Периферии на рис. 3 очевидно может (только может) ассоциироваться с Москвой; в масштабе запада Московского региона – с Вязьмой – пример полимасштабности.

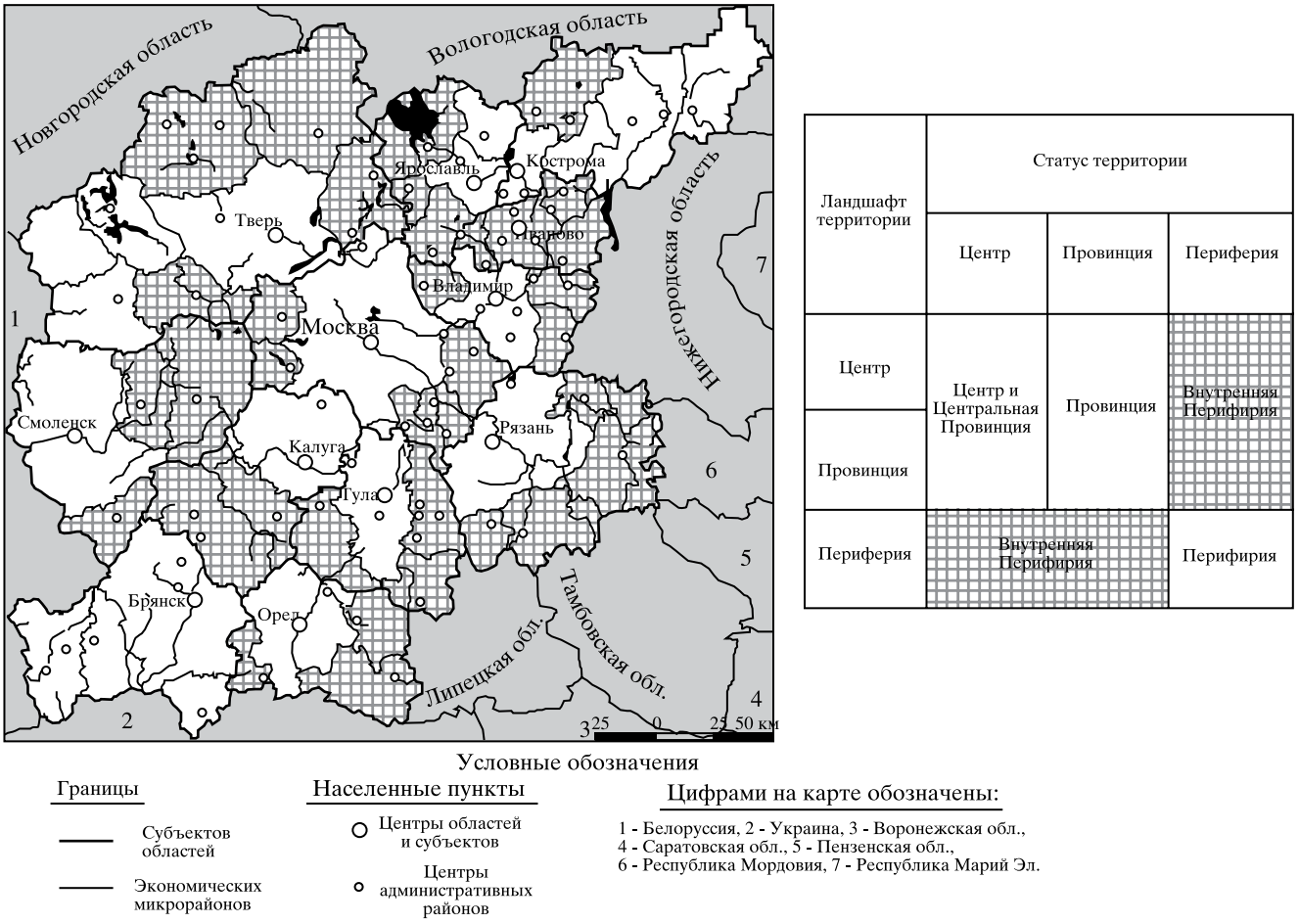

Рис. 5. Внутренняя Периферия Центрального экономического района России (группировка экономических микрорайонов по Лейзеровичу [17]).

“брошенными”, социальный кризис и одичание культурного ландшафта здесь налицо и нарастают. Сейчас Внутренняя Периферия быстро территориально растет, становясь в северо-западной части Европейской России едва ли преобладающей; именно внутри этой зоны размещены “черные дыры”, по Нефедовой [19].

Состояние культурного ландшафта на Внутренней Периферии страны нельзя интерпретировать однозначно: имеют место негативные тенденции (откат освоенности, разрушение инфраструктуры ландшафта, социальная катастрофа, утрата социального контроля), но одновременно происходит и активная спонтанная ренатурализация ландшафта, естественное самовосстановление лесов (и соответственно степей) на месте забрасываемых сельскохозяйственных угодий [18].

Статусно-пространственное положение зоны предопределяет ее социальный и экономический упадок, но именно поэтому Внутреннюю Периферию можно рассматривать как ***потенциальный источник экологических ресурсов*** *и* ***носитель экологических функций***, например, место для новых особо охраняемых природных территорий (ООПТ), возможно, в сочетании с рекреационными. Созданию здесь ООПТ малочисленность и невысокая активность местного населения только способствуют. Дачно-коттеджный бум в пригородах крупнейших городов повлек за собой трансформацию многих природных угодий и общую их фрагментаризацию, то есть разрушил экологические и рекреационные функции пригородного ландшафта [11]. Тем не менее территории с такими функциями необходимы как раз достаточно близко от крупнейших городов; в реальности же сосед пригородов – именно Внутренняя Периферия. Закономерность наращивания рекреационных функций на внешней границе растущей пригородной зоны по мере ее расширения и отодвигания от центра выявлена Веденеевым [1]; рекреационные функции сейчас неотделимы от экологических.

А что же происходит на этой территории с собственно **культурным ландшафтом**? Вот здесь

изменения разительные и отнюдь не однозначные по последствиям. Именно в этой зоне сокращение площади пашни (характерное и для России в целом) оборачивается массовым, уже фоновым забрасыванием сельскохозяйственных угодий. Культурный ландшафт в узком смысле как обжито-освоенное, окультуренное пространство здесь явно деградирует, освоенность повернула вспять. Именно здесь поля зарастают лесом даже вдоль асфальтированных дорог, исчезают на глазах деревни, ветшает и рвется транспортная сеть, рушится вся инфраструктура. Для этой зоны стало характерным появление и распространение особой новой "формации" дичающего культурного ландшафта "русской саванны", – спонтанно зарастающих лесокустарником открытых в прошлом аграрных ландшафтов; эта формация выделена Б.Б. Родоманом и автором в ходе путешествий [23]. Природа здесь "берет свое". Натурализация жизни населения сопровождается ренатурализацией, спонтанным вторичным оестествлением ландшафта. Поля зарастают, на их месте уже растут молодые леса. Всё это уже имело место и в конце советской эпохи (когда пашню было запрещено выводить из использования, хотя бы и номинального). Современный кризис не только породил новые процессы, но и усугубил хозяйственную деградацию этих территорий; в Псковской и Новгородской областях такая деградация идет уже столетия.

Главное в российском пространстве определяется географическим положением того или иного места относительно центра страны и региона. Данный фактор долговременный, и дефицит инфраструктуры как его следствие для Внутренней Периферии практически невозможно изменить. *Эти территории никогда не будут иметь благоприятных условий для экономического развития*.

Значит ли это, что они обречены влачить жалкое существование, деградировать дальше, рассчитывать и существовать лишь на помощь и подачки извне? Действительно ли они лишены ресурсов?

Однако эти территории именно в силу их географического положения, резкого сокращения пашни и других угодий, сокращения населения, упадка общественного производства *имеют реальный шанс на развитие*. Вернее, на выживание исключительно через развитие.

Если у этих территорий и есть какое-то будущее, то оно в обретении ими экологических функций. Неблагополучные (в социальном и экономическом отношении) территории могут и должны развиваться не наперекор реальному ходу событий, а использовать этот реальный ход событий. В мире в целом, в Европе, России и особенно в Европейской России остро недостает разнообразных особо охраняемых природных территорий – заповедников, национальных парков, природных резерватов и т.п. Если для территории невозможно интенсивное экономическое развитие, значит при прочих равных (а здесь эти прочие выполняются) ее единственный шанс – в экстенсивных, экологических и экологизированных формах землепользования – от собственно охраны природы до экологического (ландшафтного) туризма и охотничьего хозяйства. В мире крайне дефицитны территории, на которых спонтанно, "само собой" природы становится все больше, а хозяйства все меньше. Но именно таковы наши внутренние периферии; *они уже размещены именно так, чтобы органично выполнять экологические, природоохранные функции*. Внутренняя Периферия России уже размещается как потенциальный экологический буфер между урбоиндустриальным центром страны и промышленным Уралом, зоной КМА, новыми ресурсодобывающими территориями. Немаловажно и то, что мировое сообщество субсидирует охрану природы на всех территориях, верно это и для современной России, получающей определенные экологические инвестиции.

Экологические функции административных границ и экологическая конверсия. Советское пространство, сохранившееся в трансформированном виде в РФ – центростремительно, оно в высшей мере централизовано и даже моноцентрично [6]. Его административные районы – районы узловые, комплексные, универсальные и совершенно реальные. Казалось бы, административные границы не должны играть в нём никакой роли. Это тем более так, что существует распространенное мнение касательно несущественности границ узловых районов, поскольку они условны и сугубо конвенциональны. Однако на самом деле ситуация совершенно иная – и *в территориальной организации нашего государства, общества и ландшафта границы играют огромную роль*. Дело в том, что они разделяют разные арены деятельности, разные программные комплексные районы, в рамках которых хоть как-то комплексируются разные сферы жизни и отрасли хозяйства.

Административные границы разделяют разные (территориально и хозяйственно) арены; в логике советского пространства административные границы менее всех элементов территории пересекаются линиями коммуникаций. Основной объем транспортно-коммуникационных связей на всех уровнях, от государства в целом

до района и поселения – не трансграничные, а внутриграничные, внутрирегиональные; автаркическое пространство бывшего СССР – высшее выражение этой тенденции и закономерности. *Административные границы в советском пространстве – **барьерные границы*** [3] и логически, и фактически. Внутренние приграничные территории почти не несут контактных функций, поскольку комплементарность (экономическая дополнительность) разделяемых ими территорий не имеет никакого значения. Вокруг административных границ должны были сформироваться депрессивные территории, зоны запустения и хозяйственного упадка – и они сформировались. Но значит ли это, что такие границы и приграничные территории вообще лишены каких либо функций и смыслов и не играют никакой позитивной роли? Есть две точки зрения на это, а равно и на будущее таких территорий, прежде всего рассматриваемой здесь Внутренней Периферии, хотя и не только.

Первая позиция предполагает хозяйственное развитие этих территорий, так сказать, заполнение экономических лакун пространства, деконцентрацию, рассредоточение населения и производства; однако сейчас происходит концентрация и населения, и экономической активности, и эти зоны оказываются в еще худшем экономическом положении.

Вторая позиция исходит из презумпции реальности и осмысленности концентрации, настаивает на сохранении, преобразовании и использовании, а не на искусственном преодолении сложившейся ситуации и долгосрочных тенденций. ***Экологическая конверсия*** *территориальной структуры – превращение экономических "недостатков" некоторых территорий и вообще территориальных систем в **экологические преимущества** и экологические ресурсы*. Здесь мы говорим об экологической конверсии всей структуры советского пространства, и в важной частности – экологической конверсии структур узловых районов, образующих функциональный каркас региональной структуры нашего пространства. Концепция экологической конверсии разрабатывается совместно с Родоманом [14, 15].

Если территории периферии, приграничные территории административных регионов разных рангов испытывают наименьшее антропогенное воздействие, которое к тому тоже еще слабее из-за того, что данные территории не пересекаются маршрутами связей и реализующими их потоками, то каковы же эти территории с экологической точки зрения? Ответ досточно очевиден – эти территории должны реализовать и развивать преимущественно экологические функции; основание этого вывода – презумпция о необходимости и значительности территорий с экологическими функциями. *Вывод о том, что в нашем пространстве административные границы – границы барьерные, и поэтому они являются осями наименее освоенных территорий, экологическими осями – не наблюдение, а именно теоретический вывод,* но он подтверждается массированными наблюдениями автора и ряда коллег на протяжении многих лет во многих регионах бывшего СССР.

Концепция поляризованного ландшафта Б.Б. Родомана и наша концепция советского пространства дают основание заключить, что *административные границы – **экологические оси. Барьерные границы** в культурном ландшафте должны преобразовываться в экологические оси,* тем самым в ***контактные границы***, но не для антропогенных компонентов ландшафта, а ***для биоты***. Подобные заключения основаны на том, что кроме конструирования экологических сетей (эконета, природно-экологического каркаса) как ландшафтно-экологической инженерии происходят и спонтанные процессы, ведущие к сходному результату "автоматически". Есть основания говорить об активных процессах **спонтанной эконетизации культурного ландшафта** и особенно таких его элементов, как Внутренняя Периферия разных уровней (в том числе и внутригородская), административные границы, малые и средние реки.

Однако не все и не всякие границы, даже границы административных регионов непременно должны быть барьерными. Если административная граница имеет характер пороговой [21] и разделяет качественно различные территории, например, лесные и безлесные территории (полесья и ополья), в силу этого различия уже являющиеся комплементарными, то эта граница оказывается контактной и формирует вокруг себя не зоны запустения, а зону хозяйственной активности; наши же административные границы пороговыми не являются. Если в основу административно-территориального деления (АТД) положить не стандартные (в пределе тождественные) узловые районы, а различающиеся однородные природно-хозяйственные районы, то граница регионов будет контактной, а не барьерной, и никакой экологической роли у нее не будет; наиболее сохранными в природном отношении территориями, потенциально экологическими ядрами тогда окажутся территории внутри административных регионов, а не на их стыке. Это будет

не межрегиональная Внутренняя Периферия, а внутрирегиональная, внутренняя периферия административных регионов. *У узловых районов приграничные территории* – относительно сходные периферии, *зоны взаимного безразличия* – и они потому лишены импульсов к взаимодействию, тем более что узловые районы взаимодействуют преимущественно через центры. *У однородных районов приграничные территории – зоны взаимного различия,* тем самым дополнительные и имеющие импульсы к взаимным связям, способствующие активности освоения этих территорий. *Барьерная функция и потенциальная экологическая роль наших административных границ являются следствием не природы таких границ как таковых и относятся не ко всем временам и территориям, а лишь к определенному типу пространства.*

Именно присущая этому пространству стандартизация и унификация делают регионы похожими один на другой, уменьшают потребность в местных соседских связях, сокращают активность в пересечении границ, снижают нагрузку на приграничные территории и тем самым усиливают барьерную функцию и потенциальную экологическую роль *административной границы как природной и экологической оси территории* и всего каркаса сети ООПТ, эконета. У иных границ – иные экологические функции; богатство территории разнообразными границами (экотонами) - важный ресурс разнообразия природно-культурного ландшафта, средство поддержания экологической стабильности [4, 9, 25].

Линейный каркас зоны Внутренней Периферии – административные границы (границы регионов и даже административных районов), *имеющие барьерные функции*; они усиливаются, особенно для новых государственных границ РФ, не совпадающих с границей СССР (наблюдения соответствуют выводам Тархова [24]). *Тогда эти барьерные границы – потенциально экологические оси. Барьерные границы в культурном ландшафте должны стать экологическими осями*. На стыках административных регионов и на ранее использовавшихся военными (оборонными) ведомостями землях должны формироваться природные заповедники, а барьерные границы регионов АТД, уже сейчас играющие роль экологических осей, должны быть институционально закреплены в этой роли. Система административных границ, как справедливо отмечал Б.Б. Родоман, должна стать существенным компонентом эконета, его линейным антропогенным ядром [22]. *Спонтанность ренатурализации ландшафта позволяет констатировать* ***спонтанную эконетизацию административных границ***; так, на новой границе РФ с Казахстаном наблюдается восстановление степной растительности; прекращение судоходства на средних реках и забрасывание пойм (неудобных для современной технологизированной стандартной застройки) указывает и на спонтанную эконетизацию речных долин. Налицо основание заключить, что *административные границы –* ***экологические оси***. *Барьерные границы в культурном ландшафте должны преобразовываться в экологические оси.* Высказанное предложение – частный случай разрабатываемого Б.Б. Родоманом и автором общего концептуального проекта ландшафтно-экологической конверсии [14, 15]. ***Экологическая конверсия*** территориальной структуры – это превращение хозяйственных “недостатков” некоторых территорий и вообще территориальных систем в экологические преимущества и экологические ресурсы.

Сказанное об экологической роли границ регионов относится и к государственной границе как границе узлового района – региона высшего ранга. Государственная граница дает пример одновременно границы узлового программного региона и границы объекта военно-промышленного комплекса, ВПК (погранзона). Иные объекты ВПК уже имеют огромные барьерные границы, на которые легко могут быть наложены экологические функции. Если пограничники уже сейчас осуществляют только контроль некоторых линий-границ и контроль режима посещения, пребывания, использования территорий, ограниченных этими линиями (пограничная зона), *то что мешает экологизировать эти функции*? Границы военных зон нужно не бездумно снимать и разрушать, но экологизировать. *От нынешних границ военных зон – к границам будущих заповедников*. Экологической конверсии должен подвергнуться весь ВПК и его земли [15], особенно в ходе приватизации лесов.

Экологическая конверсия всей региональной-узловой структуры советского пространства должна осуществляться незамедлительно. Сейчас наиболее благоприятное время именно для этого. Во-первых, во время кризиса имеет место резкая концентрация и поляризация самых разных форм и видов деятельности; полосы вдоль административных границ регионов стали в большей мере зонами хозяйственного упадка, то есть потенциально еще ближе к готовым ООПТ. Во-вторых, региональная структура страны не вечна и есть уже немало признаков ее размывания, начала и активизации пострегионализации [7]. Именно

сейчас, когда региональная структура в основных своих сущностных чертах еще сохранна, и посткризисный экономический бум вкупе с пострегионализацией еще не привел к хозяйственному подъему приграничных территорий, их *хозяйственный упадок должен быть конвертирован в экологический подъем*.

Появление новых государственных политических границ в пространстве бывшего СССР означает сокращение или прекращение многих трансграничных связей; растет барьерная роль границ, сокращается контактная. Но функциональных пустот в культурном ландшафте не бывает. Либо пограничные территории приобретут функции криминального отстойника, либо *новая граница России станет линейной экологической осью* и на нее будет нанизана череда международных заповедников. Известно, что по новой границе России и Казахстана идет мощная спонтанная ренатурализация степного ландшафта, становятся массовыми ранее исчезавшие виды флоры и фауны.

Выводы. Методические приемы теоретической географии ландшафта как направления (идеальные объекты, веерные матрицы, картоиды, путешествия как способы научного познания) позволяют выявить (относительно) новые типы культурного ландшафта.

Именно такова Внутренняя Периферия. Она сформировалась и растет вследствие диссонанса статусных и ландшафтных аспектов культурного ландшафта посреди освоенной территории. Зона испытывает кризис, пребывает в упадке, утрачивает производственные и селитебные функции; спонтанно она вошла в режим ренатурализации ландшафта, восстановления нарушенных ранее природных компонентов. Именно поэтому Внутренняя Периферия может обрести новые функции – экологические и отчасти рекреационные

В существенной мере на материале Внутренней Периферии совместно с Б.Б. Родоманом развит концептуальный проект ***ландшафтно-экологической конверсии***. Если пространственно-статусное положение порождает упадок зоны, то она должна обрести экологические функции. Территории, обнаруживающие экономические трудности в силу труднопреодолимых причин, должны рассматриваться как носитель экологических ресурсов и функций.

Барьерные административные границы приобретают функции экологически-контактных границ и осей ландшафтно-экологического каркаса территории (эконета), что необходимо институанализировать.

Благодарности

С.М. Ловягин (помощь в создании картоидов); Д.И. Люри (обсуждения); А.С.Некрич (оформление карт); Б.Б. Родоман (долгое сотрудничество, совместные путешествия); Е.А. Шварц (доступ в заповедники и национальные парки).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Веденин Ю.А.* Динамика территориальных рекреационных систем. М.: Наука, 1982. 190 с.
2. *Город и деревня в Европейской России*: сто лет перемен / Под ред. П.М. Поляна, А.И. Трейвиша, Т.Г. Нефедовой. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
3. *Каганский В.Л.* Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М.: Изд-во МГУ, 1982. С.7–19.
4. *Каганский В.Л.* Природоохранная деятельность и ценность границ // Уч. зап. Тартус. ун-та. Вып. 704. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1985. С. 96–101.
5. *Каганский В.Л.* Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988. С. 63–71.
6. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
7. *Каганский В.Л.* Регионализация, регионализм, пострегионализация // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М.: ИГ РАН, 2002. С. 12–18.
8. *Каганский В.Л.* Внутренний Урал // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 427– 437.
9. *Каганский В.Л.* Типы границ и типы районов культурного ландшафта // Культурный ландшафт: теоретические и региональные исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 20–31.
10. *Каганский В.Л.* Выборы: прогноз будет ошибочным // газета.ru 09 октября http://gazeta.ru/comments/expert/57253.shtml.
11. *Каганский В.Л.* Дачный бум // Русский журн. www.russ.ru/culture/20040706_kag.html
12. *Каганский В*. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки. 2006. № 6. С. 244–257.
13. *Каганский В*.Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. М.-Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 78–100.
14. *Каганский В.Л., Родоман Б.Б.* Поляризованный ландшафт юга Дальнего Востока России (проект экофильной территориальной организа-

ции) // Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 50–54.

15. *Каганский В.Л., Родоман Б.Б.* Экологические блага российского милитаризма // Отечественные записки. 2004. № 1. С. 369–377.
16. *Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.
17. *Лейзерович Е.Е.* Экономические микрорайоны России (сетка и типология). М.: Трилобит, 2004. 128 с.
18. *Люри Д.И., Горячкин С.В., Караваева Н.А., Денисенко Е.А., Нефедова Т.Г.* Динамика сельскохозяйственных земель в России в XX веке и постагрогенное восстановление растительности и почв. М.: ГЕОС, 2010. 416 с.
19. *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство, 2003. 403 с.
20. *Нефедова Т.Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 14–31.
21. *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
22. *Родоман Б.Б.* Поляризованная биосфера. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.
23. *Родоман Б.Б., Каганский В.Л.* Русская саванна // География. 2004. № 5. С. 3 –11.
24. *Тархов С.А.* Транспортная интеграция и дезинтеграция постсоветского пространства: изменение пассажирских связей после распада СССР // Изв. РАН. Сер. геогр.1997. № 3. С. 73–81.
25. *Якомяги Ю., Кюльвик М., Мандер Ю.* Роль экотонов в ландшафте // Структура и ландшафтно-экологический режим геосистем. Ученые записки Тартусск. ун-та. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1988. С. 96–118.

Inner Periphery – New Growing Zone of the Cultural Landscape of Russia

V.L. Kaganski

Institute of national economy model

Theoretical typology of cultural landscapes of Russia and cycle of trips allow to reveal a new zone of the cultural landscape that is different from the usual (long-distance) periphery, because the inner periphery is located in the developed areas. Inner periphery is characterized by rapid territorial growth, socio-economic depression, spontaneous renaturalisation of landscape. Schematic map model (kartoid) of the inner periphery is created, and the boundaries of the zone for the Central area of the Russian Federation are identified.